

чество — оставить Москву и ступить на Владимирскую дорогу, дабы сохранить сообщение с Петербургом.

— Нужно давать сражение под Москвой, — заявил Беннигсен.

— Позиция, выбранная вами, никуда не годится. Многие дивизии разобщены непроходимыми оврагами. В одном из них речка, — возразил Кутузов.

— Правильно, есть. Но не такая и глубокая, — настаивал Беннигсен.

— Она прерывает всякое сообщение. Позади выбранной вами позиции Москва-река. За ней город с узкими улицами и переулками. Спуски к восьми мостам так круты, что только пехота может сойти по ним. Ежели неприятель опрокинет наши передовые линии — вся армия будет уничтожена до последнего человека... Пока цела армия, есть надежда с честью закончить войну. С потерей армии не только Москва — вся Россия будет потеряна.

— Диспозиция, ваше высокопревосходительство, не так трудна, как вы изволите считать.

— А вы, генерал, вспомните проигранный вами Фридланд.

— Фридланд, — едва сдержал гнев Беннигсен. Напоминание о том сражении задело его чувствительную душу. — Фридланд был неправильный... Против тактики.

— Колотят всегда против тактики, — съязвил Ермолов.

Почти все генералы, кроме Раевского, Барклая и Остермана-Толстого, высказывались за сражение, остальные за оставление Москвы.

Поддержанный генералами, Леонтий Леонтиевич снова ринулся в атаку:

— Потеря Москвы — потеря России. Отступать некуда. Ежели это мы сделаем, потомки нам не простят.

— А ручаетесь за успех сего сражения? — прямо спросил Беннигсена Остерман-Толстой.

— Слишком большие требования, генерал Остерман, — Леонтий Леонтиевич скривил губы. — Ручательством победы служит храбрость солдат и искусство генералов.

После часового заседания светлейшему стало ясно, что переубедить генералов, несогласных с его мнением,

невозможно. Ситуация во многом напоминала обстановку после сдачи Смоленска, когда Барклай не согласился на генеральное сражение. Кутузов как бы заранее знал, что ему не миновать нападок не только со стороны большинства генералов собственного штаба, но и гражданских сановников в Петербурге, да и самого императора. За его, Кутузова, спиной уже начались перешёптывания. Фельдъегери поедут в Петербург доложить императору о предательстве главнокомандующего. Но Михаил Илларионович видел дальше и глубже псевдопатриотов.

Кутузов взволнованно, голосом, в котором чувствовался металл, громко объявил: «Я жертвую собой для блага Отечества. Приказываю отступить!»

Малаша зашуршала бумагой, сняла обёртку и, намереваясь докончить сахар, потянулась к нему губами. Её взгляд встретился с глазами Барклая. Вспомнила, как надрывно кашлял этот дядя, и отложила своё намерение. Как только закончится совещание, она угостит его сахаром. Попьёт с чаем, авось полегчает.

Сделать это она не успела. Чтобы спуститься с печки, нужна была табуретка. Но её отставили в сторону, и теперь на ней сидел светлейший.

Оставшись один, Кутузов заплакал. Чем помочь дедушке Мише, Малаша не знала. На её глаза тоже навернулись слёзы.

— Дедушка Миша, — жалобно позвала она Кутузова.

Михаил Илларионович грузно повернулся к ней.

— Ах, это ты, голубушка. Оказывается, я не один. Сейчас, сейчас, — догадался светлейший и ссадил её с печки.

— Ничего не поделаешь, положение, голубушка, безвыходное, придётся сдавать нашу Первопрестольную. А ну их всех! — махнул Кутузов в сторону стола, за которым только что сидели генералы. И вполголоса послал их по-русски ещё дальше, куда Макар телят не гонял.

— А позови-ка дедушку Андрея! Чай будем пить...



Публикуя интервью с председателем Курского регионального отделения Союза писателей России Николаем Гребневым и отрывок из книги курского писателя Ивана Зиборова «Про День Бородина», мы начинаем новый проект «Литературная карта России». Из номера в номер будем рассказывать о творчестве мастеров слова Курской, Белгородской, Орловской областей и других российских регионов.